

# Интересный спектакль

На сцене советского театра в последние годы все чаще появляется классическая драматургия стран народной демократии, почти неизвестная раньше широкому советскому зрителю.

Расширяя свой репертуар, Государственный русский драматический театр им. А. С. Пушкина поставил недавно на своей сцене спектакль по пьесе известного польского драматурга Г. Снежко-Запольской «Мораль пани Дульской».

Пьеса рассказывает о жизни рядовой буржуазной семьи одного из польских городов XIX века.

...В доме пани Дульской должно совершиться событие, которое неминуемо вызовет общественный скандал. Сын пани Дульской — Збышко, соблазнивший служанку Ганку, решает на ней жениться. Хитроумными маневрами племянницы Дульской и усилиями самой пани «бунт» Збышко подавлен, неравный брак предотвращен. Благополучие «респектабельного» буржуазного дома, едва поколебавшись, восстановлено. Жизнь продолжается. Все встало на свои места, только не будет в доме Дульских Ганки, бедной, забитой, одинокой девушки, слепо поверившей в искренность любви к ней панича и за короткое пребывание в доме Дульских прозревшей, обретшей новую, моральную силу презрения и ненависти к бессердечию богачей, эксплуататоров...

Свежесть прочтения пьесы, впервые поставленной почти 50 лет тому назад, в том и заключается, что решение конфликта задумано постановщиком Л. Р. Окунь глубоко и интересно.

Утверждая свое право на оригинальное прочтение пьесы, Л. Р. Окунь своеобразно трактует многие образы произведения.

Протест Ганки (арт. Л. Сошинская) в спектакле звучит решительней, чем в пьесе. Она многое для себя решила и поняла еще в досрочеческой жизни героини пьесы. Последовательно проводя свой замысел, режиссер и актриса убеждают нас в том, что желание Збышко жениться на Ганке отнюдь не приводит ее в восторг: она уже раскусила Збышко, не верит ему и не уважает его.

Во всех картинах, предшествующих финальной, она мучительно раздумывает, как ей поступить, но уже знает, что уйдет из дома, где все ей постыло, где все основано на несправедливости...

Но правильно выводя активную линию протеста Ганки, режиссер не всегда психологически точно мотивирует ее поступки в первых картинах спектакля и тем самым, к сожалению, вредит своему же смелому, интересному замыслу, мешая артистке проследить логику противоречивого в поведении Ганки.

Необычно трактуется постановщиком и роль пана Дульского, которая в талантливом исполнении засл. арт. СССР М. Ф. Кириллова оказалась прочтенной театром совсем иначе, чем во всех виденных нами постановках. Дульский в рецензируемом спектакле вовсе не забитый человек, «заклепанный» женой, жалкий прихлебатель, лишенный в своем доме даже права разговаривать. Во все нет! Его бессловестность — удобная ширма для того, чтобы ни во что не вмешиваться. Ему весьма удобно жить. Дульский — Кириллов сознательно и добровольно передал все полномочия главы семьи своей жене, чтобы иметь возможность «жить в свое удовольствие». Это ему удастся. Исполнение этой роли — несомненная удача постановщика и артиста.

Роль самой пани Дульской в спектакле играет засл. арт. СССР Л. Котовщикова. Избранный актрисой рисунок роли вызывает возражение, как бы хорошо она не воплощала задуманное на сцене. Актриса живет по логике переживаний своей героини, но поведение пани Дульской в спектакле не вполне согласуется с той идейной концепцией решительного разоблачения мещанства, которая легла в основу режиссерского замысла.

Обостряя конфликт между миром собственничества, фальшивых человеческих отношений, основанных на волчьих законах капиталистического общества, и миром правды простых людей, тружеников, только еще просыпающихся в еле брежущем свете роста их классового сознания, — режиссер и актриса должны были «сделать» пани Дульскую более социально-опасной, подчеркнуть бесчеловечность капиталистической морали пани Дульской. Все понятия — «бог», «совесть», «долг», «нравственность» — извращены настолько, что служат ей оружием, с которым она наступает в жизни, критерием ее представлений о действительности. Как это ни парадоксально, но пани Дульская уже не носит маску, не прикрывается своей моралью, как щитом. Она по-своему цельный человек, раз и навсегда уверовавший в непогрешимость собственных моральных убеждений. Лицемерие перешло в плоть и кровь пани Дульской, — из осознанного оно стало неосознанным. Когда артистка и режиссер в таком аспекте показывают нам свою героиню, они добиваются замечательно-го эффекта. Превосходна мизансцена в разговоре пани с «укрошенным» Збышко. Он произносит, казалось бы, страшную фразу: «...Но как я теперь буду распутничать! Распутничать!», а мать

его вся расплывается в широкой и довольной улыбке, явно обрадованно, без конца кивает головой... Как это тонко и верно! Нельзя не быть благодарным режиссеру и актрисе за такое глубокое проникновение в роль, позволяющее нам постичь всю аморальность «морали» пани Дульской. Но таких мест в спектакле у актрисы не так уж много. Чаще мы видим на сцене взбалмошную, суевольную и довольно безобидную женщину. Это снижает силу обличительного воздействия спектакля.

Артистка С. Курбатова в роли Юльевичевой на протяжении всего спектакля старается пленить Збышко, несколько не скрывая от него и от зрителя своих весьма недвусмысленных стремлений.

Актриса лишает свою героиню масштабности, отказывая ей в остром уме, мещанской мудрости, в незаурядных «дипломатических» способностях. Иными словами, характерный представитель «дульщины» не вышел к зрителю со всем тем неизрасходованным зарядом растленной философии, которая должна вызвать не только презрение и безразличие (эта цель в какой-то мере артисткой достигнута), но заставить всех сидящих в зале еще больше мобилизоваться на борьбу с еще и поныне живущей эгоцентрической моралью, которую метко определил М. Горький: «пусть хоть весь мир погибнет, а ему чтобы чай пить»...

Арт. Л. Петушкова в роли Мели в ряде сцен сумела показать не только детскую недалекость своей героини, но и тягу её к хорошему, светлому, благородному. Трудно предпринять послесценическую жизнь Мели. На наш взгляд, ее ждет иная судьба, чем остальных членов семьи Дульских. Искреннее её желание видеть мир лучше и совершеннее вряд ли вызовет у зрителя ироническое или насмешливое отношение к 13-летней девочке. Не «подталкивая» Мелю к лагерю Ганки и Тадраховой (кото-

рую мягко и тактично играет арт. Л. Штефан), следует отыскивать в ее неоформившемся духовном облике то чистое и настоящее, что позволяет самой Ганке резко отличить Мелю от других обитателей дома Дульских. В этой связи хочется видеть несколько иной финальную мизансцену спектакля.

Исполнение арт. Ю. Свиридовой роли Хеси — утрировано. Хesia излишне вульгарна и опытна не по летам. Видно, что актриса много и увлеченно работает над ролью: образ с каждым спектаклем постепенно освобождается от «излишеств». И все же пока арт. Ю. Свиридова хочет побыстрее сказать все о своей героине уже в первом акте, не показывая, как постепенно ржавчина «дульщины» все глубже раз'едает ее с детства испорченную душу. Хотелось бы видеть Хесю более скромной. Она с таким профессиональным опереточным шиком поет и танцует (истати сказать, танцы чрезвычайно выразительно представлены засл. деятелем искусств СССР И. Бойко), так «расходится», что кажется — не 15-летняя Хesia играет в шантанную танцовщицу, а шансонетка «представляет» в варьете 15-летнюю паненку...

В роли Збышко хорошо показал себя молодой и очень способный арт. А. Матов. Он играет трудную роль Збышко правдиво и естественно, проводя отдельные сцены (например, первые картины), как говорится, с блеском... Но актер должен понять: работа над ролью еще не окончена. Опустошенность Збышко — не только от ночных кутежей. Збышко великолепно сознает свою ущербность, он фразер и «рыцарь на час». Артист торопится, развенчивая своего героя еще до «рокового» краха. А ведь чем больше будет видно страстное желание Збышко освободиться от пут мещанства, тем острее выявится обреченность этой попытки, тем глубже вырастет пропасть между искренним красноречием

и неспособностью действовать. Защищаемая нами трактовка этой роли позволит в большей степени понять, почему пьеса названа автором мещанской трагикомедией.

Жанр произведения искусства, как известно, не только сумма изобразительных приемов автора, почему — либо им отобранных. Жанр в искусстве это прежде всего угол зрения автора, так или иначе видящего жизнь. Но границы жанрового решения произведения иногда могут и не быть канонизированными. В наше время возможно решать, скажем, пьесу Г. Запольской как сатирическую комедию. Вместе с тем, делая акцент на обличительном смехе, который ярко обозначает признаки сатирической комедии, художник не должен пренебрегать возможностями воссоздать на сцене все богатство эмоциональной атмосферы спектакля, возникающей в результате органического сочетания драматических, комедийных, лирических и фарсовых начал, имеющих в живой ткани произведения.

Сатирическое начало в рецензируемом спектакле безусловно есть, хотя оно и должно быть усилено. Театр правильно сделает, если, продолжая работу над спектаклем, пожертвует лишней порцией буффонного смеха ради соли и перца истинной сатиры, ради введения в тех сценах, где это нужно, элементов трагикомедии.

Спектакль «Мораль пани Дульской» не свободен от недостатков. Но хочется подчеркнуть главное: дебют режиссера Л. Р. Окуня в театре им. Пушкина прошел с успехом. Творческий коллектив театра ждет от режиссера новых творческих встреч, а ашхабадский зритель рассчитывает еще не раз побывать на новых изобретательно поставленных Л. Р. Окунем спектаклях.